

Толпа мгновенно взвыла от изумления.

Опешил не только Ваншуй — в оцепенении застыли и adeпты Долины Забвения, и сотни заклинателей, съехавшихся со всех концов света на Великий ритуал открытых дверей Школы Гор Фушань.

Всем вокруг давно было известно: старший адепт Школы Гор Фушань, Янь Жунъи, вступил в сговор с демоническими заклинателями, за что и поплатился — его сослали на Утёс Размышлений на целых десять лет, полностью лишив духовных сил.

Поэтому, сколько бы твари из Долины Забвения ни изрыгали проклятий, никто и помыслить не мог, что Янь Жунъи решится высунуть нос.

Ну и пусть его поливают грязью — какая разница? Спрятаться и спасти собственную шкуру — вполне естественный выбор для любого разумного человека!

Разумеется, одно дело — здравый смысл, и совсем другое — людское мнение.

То, что Янь Жунъи не показывался, вызвало у присутствующих лишь пренебрежительные ухмылки.

В конце концов, если ты называешь себя заклинателем, да ещё и состоял в Величайшей школе Поднебесной, то даже потеряв всю культивацию, обязан отвечать за свои поступки. Если уж погубил адептов Долины Забвения, будь добр — плати жизнью!

Иначе это не просто позор для ученика Школы Гор Фушань, это прямая пощёчина его наставнику, первому мечу Поднебесной — Почтенному Чэнъину!

Будь в этом Янь Жунъи хоть капля мужского достоинства, он после раскрытия предательства давно бы перерезал себе горло, искупив вину!

Так думали не только чужаки — подобным образом рассуждало и большинство адептов Школы Гор Фушань.

Впрочем, находились и исключения.

К примеру, у тёмных заклинателей из Долины Забвения имелся собственный расчёт. На чужой земле искренней жадой крови пылал разве что тот юнец, чьего родного брата убили. Остальные куда больше опасались Почтенного Чэнъина и созданную им Школу Гор Фушань.

О слепой любви Почтенного Чэнъина к старшему ученику ходили такие же легенды, как и о подлости самого Янь Жунъи.

Именно зная об этой слепоте и нестерпимом попустительстве, тёмные заклинатели и позволили своему дерзкому младшему соратнику учинить дебош прямо во время Великого ритуала открытых дверей. Почтенный так дорожил своим любимчиком — неужели он позволил бы ему явиться сюда и умереть?

Десять лет прошло, наверняка спрятал мальчишку в каком-нибудь укромном уголке.

Потому-то старейшины Долины и смотрели сквозь пальцы на выходку юнца, не ожидая дурного. Кто же мог подумать, что на такую примитивную провокацию Янь Жунъи возьмёт и клюнет?

Тёмные заклинатели обомлели, оказавшись в полном тупике.

Остальные глазающие тоже застыли в глубоком шоке.

Виновен Янь Жунъи в гибели заклинателей или нет, но подобное бесстрашие заслуживало уважения!

Каждый присутствующий честно спросил себя: окажись он на месте изгоя — без сил, без защиты — решился бы он вот так, беззаботно, выйти с открытым забралом навстречу смертельным врагам? Ответ был очевиден: никогда.

И вот презрительные взгляды, устремлённые на Янь Жунъи, постепенно сменились изумлением. У иных молодых учеников в глубине глаз даже мелькнуло невольное почтение.

Порыв ветра пронёс над ареной ворох сухих листьев.

Только что переместившийся Янь Жунъи сжимал в ладони нефритовое табло и ошеломлённо хлопал глазами, встречая сотни взглядов — то уважительных, то полных нескрываемого презрения.

Он-то полагал, что, открыв глаза, увидит легендарного Учителя, и даже приготовился к худшему — ведь он занял чужое тело, а это, считай, самый настоящий захват чужой плоти.

Однако, как бы плохо Янь Жунъи ни разбирался в устоях Школы Гор Фушань, он прекрасно понимал: его таинственный наставник точно не входит в эту пёструю толпу.

А причиной его появления в самом центре Даосской арены Тайцзи стало то самое нефритовое табло, что дал ему Бай Шуан.

Каждому адепту Школы Гор Фушань в первый же день после вступления вручали именное нефритовое табло. Пока ученик не освоил полёт на мече, табло служило ключом к порталам; когда же он обучался заоблачным полётам, оно становилось знаком его статуса.

Обладай Янь Жунъи памятью прежних иномирян или хотя бы предугадай Бай Шуан его беспамятство, юноша знал бы: один и тот же массив портала ведёт в десяток разных мест.

Увы, в голове Янь Жунъи царила звенящая пустота, а Бай Шуан ни капли не верил в его амнезию. Вот и вышло, что Жунъи случайно угодил аккурат в центр арены Тайцзи.

Дело дрянь.

Уловив спиной несколько откровенно враждебных взглядов, Янь Жунъи резко отшатнулся, пытаясь отступить назад в мерцающий круг портала.

Но стоило ему дёрнуться, как пришли в движение и тёмные заклинатели.

Ваншуй, чьё лицо скрывала чудная маска в форме крыльев журавля, вдруг истошно закричал:

— Брат Янь!

Янь Жунъи едва успел изумлённо распахнуть глаза, как краем зрения уловил блеск серебра. Тело сработало быстрее разума: юноша рухнул навзничь.

Ледяное лезвие с глухим треском рассекло синеватый гранит аккурат там, где мгновение назад стояли его ноги.

С неба хлопьями повалил снег. На затихшей арене раздался явственный звук — кто-то из совсем юных учеников судорожно сглотнул.

А Янь Жунъи, неловко растянувшийся на холодных плитах, только сейчас окончательно пришёл в себя.

В лезвии огромной косы, замершем в пару дюймов от его лица, отразились его собственные тёмные зрачки. Морозное дыхание стали всё ещё жгло щёку.

Кто-то всерьёз намеревался снести ему голову!

Волна дикой ярости затопила разум:

— Да вы что, совсем из ума выжили?!

Он всего лишь шагнул в проклятый портал! За что тут же резать?!

— Совсем из ума выжили? — Тёмный заклинатель до хруста сжал рукоять и, с хищным оскалом уставившись на Жунъи, сделал шаг вперёд.

Огромная коса, выломав каменную крошку, со скрежетом поволоклась по земле, оставляя за собой шлейф искр.

— Брат Янь! — Ваншуй снова вскинул меч, но быстрее него сработала иная сила: синеватое пламя вспыхнуло из ниоткуда и плотным коконом закрыло тёмного заклинателя.

Бай Шуан вывалился из портала, споткнулся, но тут же мёртвой хваткой вцепился в рукав Янь Жунъи и рывком задвинул его себе за спину. Вскинув руку, он сжал пальцы в кулак.

Голубое истинное пламя с рёвом взметнулось вверх. Брызнувшие искры на лету вытягивались в тонкие, раскалённые цепи, сплетаясь в гудящую огненную клетку, упрятавшую нападавшего в плен.

— Янь Жунъи, ты вообще мужчина или кто?! — взревел тёмный заклинатель из горящего заточения, явно опасаясь чар Бай Шуана. — Неужели великий старший адепт Школы Гор Фушань — лишь трусливый слизняк, прячущийся за спиной младшего брата?!

Слово «старший» острой иглой кольнуло слух Янь Жунъи. Его брови медленно сошлись к переносью.

А пленник продолжал бесноваться в огне:

— Кровь за кровь, жизнь за жизнь! Это закон небес! Янь Жунъи, я вырву твою душу и отомщу за брата, сгинувшего в Малом тайном царстве Зелёного Лотоса!

«Старший брат»... «Отомщу»...

Лицо Янь Жунъи окончательно потемнело. Кажется, он начал догадываться, в чью шкуру его занесло.

Словно в ответ на его догадку, в высоте снова зазвенела сталь.

Ваншуй и Бай Шуан одновременно задрали головы. И без того напряжённые, они сжали рукояти мечей до побелевших костяшек.

Впрочем, прибывший оказался вовсе не врагом, а заклинателем из их собственной школы. На

нѐм развевались белоснежные, без единого пятнышка, одежды, подпоясанные тѐмно-золотым ремнѐм с узором свѣрнувшегося дракона, а под ногами покоился бирюзовый клинок. С виду он походил не столько на воина, сколько на утончѐнного книжника — на поясе его даже покачивался изящный веер.

— Брат Ло Юй! — радостно заголосили ученики по краям арены.

А вот стоящий перед Жунъи Бай Шуан стиснул зубы так, что затрещали челюсти. В отличие от остальных, он не испытывал к прибывшему ни капли благоговения; напротив, его глаза налились яростью, прикованные к мечу под ногами Ло Юя.

Ло Юй не спеша опустился в самом центре арены.

Статный, с благородными чертами лица и кроткой, тѐплой улыбкой, он располагал к себе с первого же взгляда, заставляя невольно ослабить бдительность.

Окинув мягким взглядом запертого в огненной клетке тѐмного заклинателя, Ло Юй сокрушѐнно вздохнул и лѐгким щелчком пальцев направил импульс духовной силы.

Бай Шуан глухо застонал, схватился за грудь и беспомощно качнулся назад.

В тот же миг ярко-голубое пламя рассыпалось тучей гаснущих искр. Огарки огня, покружив на морозном ветру, жалкими двумя искорками опустились на снег и юркнули обратно к Бай Шуану.

Алеющая струйка крови брызнула из плотно сжатых губ Бай Шуана.

И в ту же секунду в душе Янь Жунъи вспыхнула дикая, неукротимая ярость.

Он вскинул взор на сияющего благородством заклинателя, встающего плечом к плечу с тѐмным убийцей, а на тыльной стороне его правой ладони алой вспышкой блеснул таинственный девятилепестковый кровавый лотос.

<http://bllate.org/book/20430/2106276>